

РЕЦЕНЗИЯ

на научно-квалификационную работу и научный доклад

аспиранта Института философии РАН

Кочерова Олега Сергеевича

по направлению **41.06.01** Политические науки и регионоведение

профиль **23.00.04** Политические проблемы международных отношений,

глобального и регионального развития

на тему:

«Философско-культурные основания геополитики КНР»

Работа Кочерова О.С. посвящена изучению «китайской стратегической культуры как многоуровневой системы, сформированной в эпоху Восточная Чжоу и представленной китайскими взглядами на универсум и место китайской цивилизации в нём (геокультурный уровень), взаимоотношениями с «другим» (дипломатико-военный уровень) и механизме, легитимирующем эти процессы (уровень политической легитимности) и оказывающей влияние на внешнеполитический курс, проводимый КНР» (С. 8).

Работа делится на четыре раздела. В первом разделе Олег дает методологические пояснения к анализу философско-культурных оснований геополитики. Во втором анализирует формирование философско-культурных оснований китайской геополитики в эпохи Шан и Чжоу. В третьей описывает парадигмы китайской стратегической культуры. В четвертой – стратегические парадигмы в современной внешнеполитической деятельности КНР.

Основная гипотеза работы, раскрывающая и научную проблему, в ней решаемую, формулируется так: «несмотря на историческое доминирование конфуцианского способа бытийствования в имперском Китае, китайская стратегическая культура имеет значительно более сложную структуру, чем бинарная дихотомия, представленная в работе А. Джонстона, и раскрытие этой структуры может быть осуществлено при помощи обращения к древнекитайским философским течениям, военным трактатам и игре вэйци» (С. 10). Научную новизну своего исследования Олег видит в следующем:

«1. Проведён комплексный структурно-уровневый анализ понятия «стратегическая культура» на материале китайской внешнеполитической традиции сквозь призму этики войны, геополитических и геокультурных представлений, идеи политической легитимности. Обоснованы гипотезы о

взаимодействии стратегических парадигм и их соотнесении с конкретными геополитическими зонами.

2. Применена древнекитайская интеллектуальная игра вэйци в качестве аналоговой модели китайской геополитической картины мира, выявлена связь вэйци с китайской философской традицией и геокультурными представлениями, представлен анализ китайской геополитики в соответствии со стратегической парадигмой игры вэйци;

3. Обосновано обращение к играм в теории международных отношений и изучении стратегической культуры; предложена новая область исследований под названием «игровая геополитика»;

4. Проведён комплексный анализ влияния китайских культурно-философских оснований на современный внешнеполитический курс КНР» (С. 10–11).

Выводы, к которым приходит Олег, следующие:

«1. Основные парадигмы китайской стратегической культуры формируются в эпоху Восточная Чжоу как развитие примитивных представлений древних китайцев об окружающей реальности: «практической моральности» как критерии легитимности, двухуровневой системе отношений с внешним «варварским» миром, склонности к самоизоляции и концентрически-сетевым представлением об универсуме.

2. В китайской стратегической культуре можно выделить 4 основные парадигмы, оказывающие влияние на современные китайские внешнеполитические решения: моральный изоляционизм, оборонительный пацифизм, милитаризм и культура стратегического партнёрства. Эти парадигмы в стратегической культуре соотносятся с рассмотренными в диссертационном исследовании философско-культурными китайскими концепциями: философскими учениями (конфуцианство, моизм, легизм) и стратегической игрой вэйци. Выделенные парадигмы различаются между собой своими представлениями об этике войны и легитимности политического актора, формируют разные концептуальные матрицы межгосударственного взаимодействия, но исходят из одинаковых специфических геокультурных представлений о сакральности центра, важности периферии и расплывчатости границ. Можно отметить следующие тенденции в китайской стратегической культуре как системе парадигм: сильный уклон в сторону оборонительного пацифизма и теории справедливой войны, «практическая моральность» как критерий легитимности политического актора, акцент на экономической составляющей и самоусилении.

3. Парадигмы стратегической культуры тесно взаимодействуют между собой, но на любом этапе можно выделить ту из них, которой в конкретный момент отдаётся наибольшее предпочтение в связи с внешнеполитической обстановкой, внутривнутриполитическими факторами и иными причинами. Включение КНР в многополярную мирополитическую систему подразумевает не коренное изменение китайских геокультурных представлений о Поднебесной, но сдвиг стратегических предпочтений в сторону наиболее соответствующей парадигмы – парадигмы взъици. В то же время в современной деятельности КНР встречаются элементы и других трёх стратегических парадигм: конфуцианской – в официальной риторике и идеологии КНР, её глобальных интеграционных проектах и послании мировому сообществу, моистской – в современных китайских военных концепциях и «оборонительной» риторике, легистской – в отношении Китая к внутренним проблемам.

4. Легистская парадигма может успешно применяться для подавления сепаратизма и радикализма потенциального «нового варварства» – национальных территорий в составе КНР, но происходит это ценой формирования негативного образа Китая как в западных странах, так и среди его ближайших соседей. В то же время крайне маловероятно, что Китая будет проводить экспансионистскую политику в духе легистской внешнеполитической философии на современной стадии международных отношений. Одним из наиболее вероятных катализаторов проведения такой политики может стать насильственная смена режима.

5. Моистская парадигма весьма успешно задействована в современной оборонительной концепции КНР, прежде всего в силу своего акцента на наукоёмкие оборонительные технологии и близость к идеалам социализма. В то же время её глобальная внешнеполитическая повестка слишком идеалистична, и она как испытывает на себе давление груза исторических неудач, так и в полной мере ощущает издержки китайской внутренней легистской политики.

6. Конфуцианская парадигма служит основой для современных китайских глобальных интеграционных проектов. Мирное конфуцианское самосовершенствование выступает в качестве послания Китая миру. В то же время у неё много слабых сторон: от ассоциаций с имперским мышлением, вновь малопривлекательным для китайских соседей, до полной неспособности избежать «столетия унижений».

7. Основные характеристики парадигмы взъици – относительность антагонизма, специфическое представление о границах как об условных, расплывчатых и в то же время динамических рубежах; представления об

относительном характере выигрыша; распространение влияния как ключевая стратегическая составляющая; акцент на тактике окружения и построении геополитических линий. Парадигма *вэйци* также задаёт специфическое восприятие определённых паттернов в международных отношениях. Важную роль в региональной архитектуре безопасности играет паттерн «гунхо» как призма, через которую воспринимаются корейская и тайваньская дилеммы.

8. Обращение к игре при изучении стратегической культуры и геополитики обосновано, с одной стороны, ценностно-онтологическими культурными смыслами, заложенными в игре как в модели принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве; с другой стороны – повышению роли концепта «игра» в современных социальных процессах, обоюдном влиянии социального и игрового и необходимости изучить это влияние» (С. 11–14).

Доклад написан хорошим языком, хотя в некоторых местах в энциклопедически-конспективном стиле, что, впрочем, ожидаемо от подобных работ. В оформлении и научном аппарате работы недостатков, требующих упоминания, не обнаружено. Единственное – формулировки объекта и предмета работы даны так, что может сложиться впечатление, что они не пересекаются.

Общий недостаток работы, на взгляд рецензента – методологический. При анализе любого человеческого поведения, в том числе и особенно политического, нужно различать осмысление этого действия, его оправдание и его описание. Это разные вещи: человек может реально действовать сообразно одной стратегии, осмыслять ее совершенно по-другому, а оправдывать при необходимости еще и по-третьему.

То, что Олег квалифицирует как легистское в современных политических стратегиях КНР, в некоторых своих аспектах (идеологизации) кажется скорее конфуцианским или даже просто тоталитарным (что уже не говорит ни о какой связи с древней китайской культурой). Некоторые вещи, о которых он говорит как о слабых сторонах конфуцианской стратегии современного КНР, как кажется, уместно квалифицировать как непонимание конфуцианской стратегии и простые «оправдания» с помощью нее. Опять же, в связи с привлечением концепции *вэйци* как модели политических действий я думаю, что многое, о чем Олег говорит в связи с этим, можно рассмотреть и с точки зрения шахмат, и даже шашек. Он, видимо, выбрал *вэйци* как что-то исконно китайское, но надо учитывать, что современный китаец – это не древний китаец, он знает о шахматах, шашках, теории игр в конце концов (это все западные вещи) и вполне мог вдохновляться скорее ими, чем *вэйци*. Я не отвергаю тезисы Олега, я хотел бы акцентировать внимание на том, что

их надо доказывать иначе: ссылками на выступления, речи, тексты и т.п. китайских политиков, а не только анализом их реальных действий. Реальные действия, увы, довольно ограничены в принципе, и в любом случае подпадут под какую-либо парадигму, реальный же вопрос в том, как они осознаются их деятелями.

Вышеперечисленные методологические различия, таким образом, имеют ключевое значение для исследования Олега, в связи с чем автору рекомендуется более подробно остановиться на этих различиях и чётче сформулировать свои выводы в исследовании.

Перечисленные выше недочеты не умаляют значимости исследования. Научный доклад по результатам научно-квалификационной работы Кочерова Олега Сергеевича «Философско-культурные основания геополитики КНР» полностью удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к такого рода работам.

Работа аспиранта заслуживает оценки «отлично».

Рецензент:

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
сектора восточных философий
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института философии
Российской академии наук

Рыков С.Ю.

19 сентября 2018 г.

Подпись Рыков С. Ю.
ЗАВЕРЯЮ:

Зав. отделом кадров Института
философии РАН А. В. Новикова